

Оглавление

Пролог	7
Глава 1 Жилье	9
Глава 2 Общественное питание дореволюционного Петербурга ...	40
Глава 3 Общественный транспорт	71
Глава 4 Благоустройство улиц	103
Глава 5 Средства связи	130
Глава 6 Экстренные службы	143
Глава 7 Медицина	162
Глава 8 Покупки: продукты	185
Глава 9 Покупки: одежда, обувь и все остальное	199
Глава 10 Пресса	224
Глава 11 Музеи	250
Глава 12 Театры и кино	268
Глава 13 Увеселительные сады	293
Глава 14 Активный отдых	305
Глава 15 Столичные опасности. Чего остерегаться на улицах	323
Глава 16 Столичные опасности. Мошеннические схемы и азартные игры	339
Примечания	357

Пролог

Вы когда-нибудь мечтали оказаться в дореволюционном Петербурге? Что ж, иногда мечты сбываются.

Вы открываете глаза и понимаете: что-то не так. Вы стоите на Невском — но это не ваш Невский. По мостовой грохочут экипажи и какие-то странные транспортные средства, дома до самых верхних этажей увешаны рекламой с непривычной орфографией, люди одеты как массовка для съемок исторического сериала. Звуки и даже запахи (особенно запахи!) — все другое.

Вы судорожно хватаетесь за карман — телефон на месте. Но экран черный.

Метро нет. Интернета нет. Нет онлайн-карт, приложений для доставки и сервисов по поиску жилья. Ничего не понятно, и нет возможности погуглить, что делать.

Но не паникуйте! Эта книга — ваш путеводитель по Петербургу XIX — начала XX века, гид по реальности, которая гораздо интереснее (но, если честно, и гораздо неудобнее), чем в мечтах. В этом путеводителе ничего не будет о достопримечательностях Северной столицы. Хотя почему Северной? Для вас теперь просто столицы. Поговорим о гораздо более насущных вещах.

Как искать квартиру, во сколько она обойдется и на какие удобства вы можете рассчитывать? Как устроено общественное питание, от ресторанов до стритфуда? Есть ли доставка? Как обстоят дела с общественным транспортом, средствами связи, медициной, благоустройством улиц, общественными туалетами, в конце концов? Где можно развлечься в свободное время? Каких опасностей остерегаться и куда обращаться, если неприятности все же произошли?

Книга устроена просто: каждая глава отвечает на один практический вопрос. 16 тем — 16 инструкций. Начнем?

Глава 1

Жилье

Первое, что вам предстоит сделать, — найти квартиру. Для начала, впрочем, можно поселиться в гостинице. С этим никаких сложностей не возникнет: к началу XX века их в Петербурге работало уже более трехсот. Разброс цен был максимально широким: клетушка в гостинице с сомнительной репутацией могла обойтись всего в 30 копеек в сутки, а за люкс в респектабельном отеле просили несколько десятков рублей.

Кстати, некоторые из гостиниц могут быть знакомы. Например, на Исаакиевской площади вы найдете на своих местах и «Асторию»* (современный адрес — ул. Большая Морская, 39), и «Англетер»** (ул. Малая Морская, 24), а напротив Московского (то есть, конечно, Николаевского) вокзала — гостиницу «Октябрьская» (современный адрес — Лиговский пр., 10/118). Только она еще никакая не «Октябрьская», а «Знаменская»*** или «Большая Северная»****.

* С 1912 года. — *Здесь и далее примечания автора.*

** Под этим названием — с 1911 года. Под названиями «Шмидт-Англия» и «Англия» — с 1876 года.

*** До 1889 года.

**** С 1889 по 1930 год.

Стоило на любой из столичных вокзалов прибыть поезду, как его уже встречали посыльные из разных гостиниц, наперебой предлагая свои услуги. Охотно помогали в поисках гостиницы и извозчики: они могли по внешнему виду пассажира оценить его платежеспособность и решить, куда именно его везти. Делали они это, конечно, небескорыстно: гостиницы приплачивали им за каждого нового постояльца.

Еще один популярный формат временного жилья — меблированные комнаты. Этот вариант обычно выбирали те, кто приезжал в Петербург на более долгий срок — на несколько недель или месяцев. Меблированные комнаты были, по сути, той же гостиницей: коридор, направо и налево — двери в комнаты, в каждой — стандартная гостиничная обстановка. Кухонь нет, а готовить в комнатах, как правило, запрещено. Уборка и услуги коридорного включены в стоимость.

Такие заведения в центре можно было найти буквально на каждом шагу; стоили они дешевле гостиниц, но дороже комнат, сдаваемых в квартирах на долгий срок. Хотя среди меблированных комнат были и вполне приличные, в целом репутация у них была не слишком хорошей (на что намекает пренебрежительное наименование «меблирашки»). Это видно и из классической литературы: почти всегда герои выбирают меблированные комнаты не от хорошей жизни.

Но надолго в гостиницах и «меблирашках» задерживаться не будем. Давайте подыщем вам настоящее жилье!

Как искать квартиру?

Как найти квартиру в городе, где вы никого не знаете, без интернета и сервисов по подбору жилья? Не волнуйтесь, раз люди в XIX веке справлялись, то и вы обязательно справитесь! У вас есть сразу несколько опций.

Первый способ — газеты с объявлениями. Почти в каждой газете, выходившей на рубеже XIX–XX веков, был огромный раздел с рекламными объявлениями, а в нем — десятки предложений от владельцев жилья. Наниматели тоже публиковали объявления, но гораздо реже.

Второй способ — обратиться в риелторскую компанию. Их первые прообразы появились в Петербурге еще в XIX веке. Самой успешной была «Справочная — комиссионерская контора первого разряда» при компании «Торговый дом “Е. Копаныгин и Ко”» (современный адрес — ул. Большая Московская, 3). Организация оказывала услуги по сдаче и найму жилья, а со временем стала выпускать свою газету с объявлениями о недвижимости. Копаныгин мечтал объединить все аналогичные учреждения России в единую сеть, но не успел: наступил 1917 год.

Стоимость услуг конторы Копаныгина для нанимателей: «Справки лично по числу комнат — 25 коп., готовые справки — 50 коп., с доставкой на дом — 3 руб.».

Третий, самый простой способ — гулять по району, который вам нравится, и внимательно смотреть по сторонам. Владельцы жилплощади часто вывешивали на окнах квартир «билетики» о сдаче. Поначалу такие объявления писали как придется, но в конце XIX века городские власти выпустили «Правила единообразного написания “билетиков” о сдаче квартир внаем». Теперь по цвету билетика сразу можно было понять, что именно предлагается: объявления о сдаче квартир печатали на розовой бумаге, комнат — на зеленой, углов — на белой.

Что такое доходный дом и почему вам, скорее всего, придется жить именно в нем

Теперь, когда мы разобрались, как искать квартиру, давайте посмотрим, что представлял собой петербургский рынок жилья 150 лет назад.

Этот рынок очень отличался от современного — как минимум тем, что до 98% фонда составляло арендованное жилье. Дело в том, что отдельные квартиры в те времена практически не продавались. В XIX веке существовало всего два варианта собственного жилья: либо особняк (а это очень дорого, если только он не достался в наследство — да и тогда содержать его будет накладно), либо доходный дом, где ты занимаешь одну из квартир, а остальные сдаешь.

Второй вариант был настоящей золотой жилой: пятиэтажный доходный дом мог окупиться за каких-нибудь пять-десять лет. Особенно если использовать земельный участок по максимуму: застроить его корпусами по всему периметру, оставив посередине двор-колодец. Но и это не предел: можно втиснуть корпуса и внутрь периметра, чтобы получилась сеть дворов-колодцев. Да, у жильцов таких дворовых флигелей будет мало шансов когда-нибудь увидеть в своих квартирах солнечный свет — но застройщиков это не слишком волновало, тем более что обязательных норм инсоляции жилых помещений тогда еще не было.

Доходными домами владели как частные лица, так и организации: купеческие союзы, банки, научные и учебные заведения, церкви и монастыри. Даже владельцы особняков в XIX веке часто переоборудовали их в доходные дома: оставляли себе один этаж, а остальные переделывали в квартиры под сдачу, да еще надстраивали этаж-другой.

Доходный дом К. К. Шмидта, Перекупной пер., 12, Херсонская ул., 13.
Фото: ателье К. Буллы, 1913 г.

Как часто сегодня приходится слышать жалобы на советскую и постсоветскую жилую застройку: некрасиво, убого, то ли дело раньше! Забавно, но точно такие же жалобы можно было услышать и двести лет назад. Вот, например, очерк Фаддея Булгарина 1833 года: «Особенно в последние десять лет почти целые части города (превышающие объемом целые провинциальные города) вновь выстроились. Хозяева домов стараются строить как возможно скорее, дешевле, мало думают о красе фасада и прочности здания, а только рассчитывают доход. <...> Первая мысль, чтоб из массы спянных известью кирпичей добыть как возможно более денег; о потомстве, о красоте здания — ни полмысли!»¹

С ним согласен автор путеводителя по Петербургу (1843), историк и статистик Иван Пушкарев:

«С быстротою удивительною, невероятною для жителей других городов, производится здесь частными людьми постройка новых домов; зато некоторые из них строятся не прочнее, не лучше, чем платье, приготовляемое для Апраксина двора. Спекулятор не заботится о прочности и о внутреннем достоинстве своего дома, имея в виду только одну прибыль»².

Художник, автор воспоминаний о дореволюционном Петербурге Михаил Григорьев еще категоричнее: «Дома, выстроенные во второй половине XIX века и позже, являются оскорблением архитектуры и нарушением всех правил гигиены человеческого жилья»³.

На рубеже веков строить стали еще быстрее. «Строительная горячка, несколько лет назад охватившая наш Богом подмоченный Петербург, продолжает свирепствовать, — отмечает писатель Сергей Минцлов в 1903 году. — ...Иные дома стоят еще без дверей и окон, а уж в газетах пестреют объявления о сдаче квартир в них. Нарасхват идут!»⁴

Теперь давайте посмотрим, как выглядели типичные квартиры в доходных домах. Здесь вас может ждать некоторое разочарование. Очень уж популярен стереотип, что обычная дореволюционная петербургская квартира — это шесть — восемь просторных комнат, пятиметровые потолки, наборный паркет и роскошная парадная с витражами. Не то что все эти хрущевки, брежневки и студии в «человеюниках».

Нет, эти роскошные восьмикомнатные квартиры действительно существовали, но их, согласно данным переписей, было не больше 10% от всего петербургского жилого фонда. Еще 40% составляли 3–5-комнатные квартиры. А остальные 50% — одно- и двухкомнатные квартиры, причем часто даже без кухонь⁵.

Кроме того, в многокомнатной квартире далеко не всегда проживала одна семья. В XIX веке была распространена субаренда, когда арендаторы сдавали одну или несколько комнат в своей квартире другим жильцам (согласно тогдашнему законодательству, сделать это можно было даже без уведомления собственника). Наконец, почти 10% жилого фонда составляли так называемые «квартиры для угловых жильцов»: там в субаренду сдавались уже не комнаты, а углы или койки. Четыре угла комнаты отгораживались друг от друга занавесками; углы с окнами стоили дороже, без окон — дешевле. Что до коек, их часто снимали напололам рабочие, трудившиеся в разные смены: пока один работал, другой спал, потом они менялись. В 1900 году в Петербурге насчитывалось 17800 таких угловых квартир.

СКОЛЬКО ЭТО СТОИТ?

Как и сегодня, цены сильно варьировались в зависимости от района. Конечно, как предупреждает нас И. Зарубин в «Альманахе-путеводителе по Петербургу» (1892), «если вы нанимаете квартиру, то где бы вы ни смотрели ее, от Коломны до Песков, дворник или заведующий домом непременно постарается вас уверить, что именно у них-то и есть центр Петербурга»⁶. Поэтому приведем конкретные цифры по каждому из районов, чтобы никакой дворник или заведующий домом не сумел вас обмануть.

Итак, в Адмиралтейской части в конце XIX века средняя годовая квартплата составляла 1123 рубля, в Казанской и Литейной — около 600 рублей, в Александро-Невской — 273 рубля, а в Выборгской (которая тогда была рабочей окраиной) — всего 172 рубля. Интересно, что Петербургская сторона (сегодня — один из самых дорогих районов города) еще

в конце XIX века считалась непрестижной, и жить там было очень дешево (средняя годовая квартплата — 212 рублей). Но в 1903 году открыли Троицкий мост, который соединил Петербургскую сторону с центром; район, который еще недавно считался окраиной, стал стремительно застраиваться дорогими зданиями — и цены немедленно взлетели.

Внутри одного района цены тоже различались. Квартира на большой улице стоила дороже, чем в переулке; квартира с окнами на солнечную сторону улицы — дороже, чем на теневую.

В зависимости от количества комнат цены различались так (по данным «Нового путеводителя по Петербургу» за 1909 год):

1–3-комнатные квартиры — от 360 до 500 рублей в год,
3–5-комнатные — от 500 до 900 рублей в год,
5–10-комнатные — от 900 до 2000 рублей в год⁷.

Давайте посмотрим, в какие суммы обходились квартиры петербургским литераторам.

Последняя квартира А. С. Пушкина, которую он снял осенью 1836 года на Мойке (современный адрес — наб. реки Мойки, 12, сегодня здесь работает музей-квартира поэта), стоила 4300 рублей в год с выплатой вперед за каждые три месяца. За эти деньги поэту, согласно контракту, доставался «весь, от одних ворот до других, нижний этаж из одиннадцати комнат, состоящий со службами, как то: кухней и при ней комнатой в подвальном этаже, взойдя на двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке и сухим для вин погребом; сверх того две комнаты и прачечную, взойдя на двор налево — в подвальном этаже во втором проходе»⁸. Квартира

находилась в престижнейшем районе города — в двух шагах от Зимнего дворца.

Для сравнения: первая семейная квартира поэта, которую он снял осенью 1831 года в доходном доме О. К. Брискорн (современный адрес — ул. Галерная, 53), обходилась ему значительно дешевле: 2500 рублей в год; но она была меньше и скромнее. Квартира в доме Жадимировского, в которую он въехал в 1832 году, стоила уже дороже — 3300 рублей в год с оплатой «за каждые четыре месяца вперед без всякого отлагательства». Как значилось в контракте, она состояла «из двенадцати комнат и принадлежащей кухни, и при оном службы: 1-н сарай для экипажей, конюшня на 4 стойла, 1-н небольшой сарай для дров, 1-н ледник и чердак для вешанья белья»⁹. Современный адрес — ул. Большая Морская, 26 / Гороховая, 14*.

Интересно, что Пушкин ни на одной из своих квартир надолго не задерживался. За шесть лет с момента его женитьбы в 1831 году до гибели в 1837-м он успел сменить их семь: в доме Брискорн, в доме Алымовой (современный адрес — ул. Фурштатская, 20, дом не сохранился), в доме Жадимировского (ул. Большая Морская, 26), в доме Оливье (ул. Пестеля, 5), в доме Баташева (наб. Кутузова, 32), где успел пожить в двух разных квартирах, и, наконец, на Мойке.

Н. В. Гоголь примерно в те же годы тратил на жилье гораздо меньше. Приехав в Петербург в 1828 году, он напололам с одноклассником А. С. Данилевским снимает квартиру в доходном доме купца Галыбина (современный адрес — ул. Гороховая, 46, сегодня дом по-прежнему

* В XIX веке дом был перестроен, сегодня здесь бизнес-центр «Сенатор».

жилой) за 80 рублей в месяц. И все равно денег не хватает. «Жить здесь не совсем по-свински, т.е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали, — сообщает он в письме матери. — За квартиру мы платим восемьдесят рублей в месяц, за одни стены, дрова и воду. Она состоит из двух небольших комнат и права пользоваться на хозяйской кухне. <...> Это все заставляет меня жить, как в пустыне, я принужден отказаться от лучшего своего удовольствия видеть театр»¹⁰.

В 1829-м писатель переезжает в дом И. Иохима (современный адрес — ул. Казанская, 39, дом по-прежнему жилой). «Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе 2-х портных, одну маршанд де мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, дега-тировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку, и наконец привилегированную повивальную бабку, — рассказывает Николай Васильевич матери. — Натурально что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками. Я живу на четвертом этаже, но чувствую, что и здесь мне не очень выгодно. Когда еще стоял я вместе с Данилевским, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что тогда платили по полам, за то самое я плачу теперь один»¹¹.

Надолго здесь он действительно не задерживается и в том же году переезжает, но недалеко — в дом Зверкова (современный адрес — наб. канала Грибоедова, 69 / Столярный пер., 18, сегодня здесь, помимо прочего, работает апарта-отель «Доходный дом “Гоголь”»). В письме матери писатель снова обстоятельно отчитывается о своих расходах: «...за квартиру — 25 р. (в месяц. — *С. В.*), на дрова — 7 р., на свечи — 3 р., водовозу — 2 р.»¹² Кажется, недорого, но это потому, что район вокруг Сенной площади

(в который Достоевский позже поселит героев «Преступления и наказания») пользовался в те времена крайне сомнительной репутацией.

М. Ю. Лермонтову в те же годы считать расходы на дрова и свечи не приходилось. Он — единственный наследник своей бабушки, которая, во-первых, очень богата, а во-вторых, обожает внука и ни в чем ему не отказывает. Поэтому квартира в доходном доме княгини Шаховской (современный адрес — ул. Садовая, 61, сегодня дом на реконструкции), которую он снимает в 1836 году, стоит 2000 рублей, и сам поэт в письме характеризует ее как «недорогую, смотря по числу комнат»¹³. Кстати, это единственный дошедший до наших дней петербургский адрес Лермонтова — остальные дома, где он когда-то жил, снесены или реконструированы — и в ближайшие годы здесь обещают открыть его музей-квартиру.

Ф. М. Достоевский за годы жизни в Петербурге успел сменить до 20 квартир (по другим источникам — до 28). Сколько они стоили? Известно, что квартиру в доходном доме Алонкиных (современный адрес — ул. Казначейская, 7 / Столярный пер., 14)*, где писатель жил в 1864–1867 годах, где написал «Преступление и наказание» и познакомился со второй женой Анной Сниткиной, он снимал за 25 рублей в месяц. Это был все тот же сомнительный район «вокруг Сенной», где обитали и герои «Преступления...». Анна Сниткина, впервые побывав здесь, была неприятно поражена: «Ворота находились по Малой Мещанской, я вошла, здесь было очень много извозчиков и попадались довольно неприличные хари. Я поднялась во второй этаж по довольно грязной

* Сегодня здесь по-прежнему жилой дом, а о Достоевском напоминает мемориальная доска.

лестнице, на которой тоже мне попались несколько человек очень неприличных...»¹⁴ Зато домовладелец, по воспоминаниям Сниткиной, «очень почитал Федора Михайловича как “великого трудолюбца”, как он про него выражался, и никогда не беспокоил напоминанием о квартирной плате»¹⁵. Ценное качество, учитывая, что в те годы писателю часто нечем было заплатить за квартиру.

Кстати, по соседству от этого дома Достоевский поселил главного героя «Преступления и наказания» Родиона Раскольникова. Точный адрес в романе не указан, но считается, что дом находится по адресу Столярный пер., 5 / ул. Гражданская, 19. Раскольников снимал свою «похожую на шкаф» каморку под крышей в субаренду, «с обедом и прислугой». Стоимость аренды Достоевский тоже не указывает; впрочем, мы знаем, что в последние месяцы Раскольников ничего не платил хозяйке. Сегодня дом по-прежнему жилой, о «Преступлении и наказании» напоминает горельеф на фасаде, но после реконструкции «каморок, похожих на шкаф», под его крышей больше нет. Да и на «ту самую» лестницу, которая в XX веке стала местом паломничества, теперь пробраться трудно: двор на замке.

Но сколько же все-таки стоило снять комнату? Художник Игорь Грабарь, переехавший в Петербург в конце 1880-х, снял комнату близ университета, в Волховском переулке, за 12 рублей в месяц: «Комната была в полуподвальной квартире, сырой и темной, но это меня мало беспокоило, ибо зато она была дешева»¹⁶. Правда, чтобы получить такую цену, пришлось поторговаться.

На стоимость, помимо расположения, влияли и другие факторы. Давайте посмотрим какие.

Площадь, этаж, планировка

Первое, что вам бросится в глаза при просмотре дореволюционных объявлений о сдаче жилья, — полное отсутствие информации о площади квартир. Это сейчас площадь — первое, что указывают в объявлении; в те времена и жильцы, и даже, наверное, сам хозяин затруднились бы назвать площадь своих квартир (по крайней мере, без подглядывания в документы). Вместо площади в объявлениях указывалось количество комнат и, как ни непривычно это для нас, окон: от этого зависело, насколько светлой будет квартира. В дни, когда электричества в домах еще не было, уровень естественного освещения был даже более значимым фактором, чем сегодня.

Не менее важным параметром был этаж, на котором находится квартира. Правда, ценность разных этажей со временем менялась. В первой половине XIX века самыми дорогими при прочих равных были квартиры на втором этаже. Но уже к концу века стали цениться третий и четвертый. Что изменилось? Во-первых, в «дорогих» домах появились лифты: теперь на четвертый этаж не обязательно было карабкаться пешком. А во-вторых, с резким увеличением уличного трафика второй этаж утратил привлекательность: не очень удобно жить, когда прямо под твоими окнами громяхают экипажи и конки, да и от сопутствующих запахов радости мало. Уж лучше диспансироваться, но не слишком: квартиры под самой крышей тоже считались непрестижными.

Кстати, даже в конце XIX века Петербург оставался сравнительно малоэтажным. По статистике, только каждый десятый дом был высотой в четыре этажа и более (правда, это с учетом окраин, застроенных одно- и двухэтажными домами). Большие 5–7-этажные дома — в основном примета начала XX века.

Еще один важный параметр, влияющий на стоимость аренды: в главном корпусе находится квартира или в дворовом флигеле, откуда в нее вход — с улицы или со двора — и куда — на улицу или во двор-колодец — у нее выходят окна. Некоторые архитекторы подходили к задаче творчески. К примеру, архитектор Борис Гершович, проектируя доходный дом для Юлиана Бака (современный адрес — ул. Кировная, 24), соединил главный корпус и дворовый флигель красивыми галереями на уровне второго и пятого этажей. Сделано это было, конечно, не для украшения «колодца»: мало кому из застройщиков приходило в голову тратить деньги на декор дворов, которые все равно не видны с улицы. Просто теперь жители дворовых флигелей могли попадать в свои квартиры через парадный вход, что увеличивало стоимость аренды.

По этой же причине в дорогих доходных домах стали появляться дворы-курдонеры. Да, они предполагали застройку участка только с трех сторон вместо четырех, но за счет того, что все три корпуса смотрели на улицу, ценность квартир в них возрастала, и «расточительство» окупалось.

Планировка больших квартир вплоть до середины XIX века почти всегда была анфиладной. В квартирах корпусов, выходящих на улицу, обычно шли две параллельные анфилады комнат: парадные — с окнами на улицу, «жилые» — с окнами во двор. В дворовых флигелях, где окна располагались только с одной стороны здания (к его тыльной стороне, брандмауэру, вплотную примыкал дворовый флигель соседнего участка), анфилада была одна: сначала парадные комнаты, потом — компактные жилые, в конце кухня и хозяйственные помещения. Ни о каком личном пространстве при такой планировке речи, конечно, не шло.

Во второй половине XIX века в анфиладных квартирах начинают появляться коридоры. Сначала ими пользовалась только прислуга, но постепенно и хозяева оценили удобство

изолированных комнат: теперь анфиладные двери все чаще остаются закрытыми, а в комнаты заходят из коридора. Дома с изначально изолированными комнатами начинают строить только в 1880-х годах.

Что касается площади, то громадные комнаты тоже признают дорогих «барских» квартир. В доходных домах эконом-класса комнаты и квартиры были вполне компактными.

Теперь давайте разберемся, на какие удобства вы можете рассчитывать. Спойлер: большинство привычных нам благ цивилизации распространились в Петербурге только в последней четверти XIX века. Если вы оказались в начале века, ваши шансы жить в квартире с водопроводом, ватерклозетом, ванной и не дровяным отоплением стремятся к нулю. Простите.

Водопровод и ванна

В конце XIX века в 64% квартир уже был водопровод. Он мог бы появиться в столице гораздо раньше: первые предложения о его устройстве поступали от предприимчивых горожан еще в 1820-х. Но тогда городские власти отказали: специальная комиссия постановила, что «Петербург по положению и устройству достаточно снабжен хорошою водою». Так что первые полноценные водопроводы появились в столице только в 1860-х.

Поначалу они были частными: только в 1890-х городские власти выкупили их и объединили в «Городскую исполнительную комиссию по водоснабжению Санкт-Петербурга». Шансы на наличие водопровода повышались, если вы снимали квартиру в центре, и резко снижались — если на окраинах.

Впрочем, не беспокойтесь, ходить с ведрами к ближайшему водоему не придется: воду регулярно будет доставлять

водовоз. Происхождение и назначение воды можно определить по цвету бочек: в белых — питьевая вода из Невы, в желтых и зеленых — техническая, для уборки и стирки, из рек и каналов. Ведро питьевой воды обойдется вам в 5 копеек; техническая, конечно, будет стоить дешевле. Есть и возможность заказывать питьевую воду из ключей: она дороже, зато и вкуснее, и чище.

Но даже если в квартиру проведен водопровод, это совсем не означает, что там будет ванна. В конце XIX века ванны имелись всего в 13% жилых помещений, и в основном это были многокомнатные «барские» квартиры. Да и эти ванны были устроены не так, как современные: нельзя было просто открыть кран и набрать горячей воды. Нет, придется сначала нагреть воду на плите, а потом вручную наполнить ванну. Ближе к концу XIX века появились, правда, дровяные водонагреватели, из которых горячая вода поступала прямо в ванну, но и с ними обращаться было непросто.

Если же вы оказались в числе тех 87% петербуржцев, в чьих квартирах ванны нет, — что ж, придется осваивать бани.

В середине XIX века в Петербурге работало около 40 общественных бань; к 1870-м годам их стало всего на 6 больше; получается, что одна баня в среднем обслуживала 14 000 жителей. Бани делились на четыре разряда. В банях высшего разряда — мрамор, роскошные комнаты отдыха и прочие удобства; в банях экономкласса могло и душевых не быть, зато и вход туда стоил на порядок дешевле. Причем посетители дешевых бань за свои деньги старались не только помыться, но и белье постирать. В 1842 году владельцы нескольких бань даже написали петицию на адрес полицмейстера, жалуясь, что некоторые клиенты превращают бани «как бы в некоторый вид прачешных». Впрочем, потом хозяева бань сдались и стирать белье разрешили.

Фрагмент экспозиции Всероссийской гигиенической выставки
в Малом Петровском парке г. Санкт-Петербурга, 1913 г.

Хирург Борис Рубинштейн, оставивший подробные мемуары о своем детстве в дореволюционном Петербурге, вспоминает о банях так:

«Ванной, конечно, у нас не было (и это, заметьте, уже в начале XX века в довольно небедной семье. — *С. В.*). Ходили в баню. Ближайшая “торговая баня” (то есть коммерческая. — *С. В.*) находилась напротив нашего дома.

В бане доминировал “классовый” принцип. Четыре класса — 5, 10, 15 и 20 копеек. Последний — это уже была “господская” баня, с мягкими диванами, бархатными подбельевыми чехлами, с зеркалами. Могли здесь потребовать “парщика” — вас помогут, остригут ногти, срежут мозоли, понятно, за дополнительную оплату. В общем, “господская баня” обходилась примерно в полтинник. Что делалось в пятикопеечной бане, не знаю. Знаю только,

что там “простонародье” занималось не только мытьем, но и стиркой своих рубах и подштанников...»¹⁷

До распространения водопровода бани брали воду из ближайшего к ним водоема. Лучшими считались бани, использовавшие воду из Невы (таких в 1871 году было 18). Худшими — бани на берегу Екатерининского канала: вода «канавы», как тогда называли канал, действительно была чудовищно грязной. Когда появился водопровод, владельцы бань вздохнули с облегчением: теперь можно было использовать воду из Невы, даже если баня находилась в «неудачном» месте.

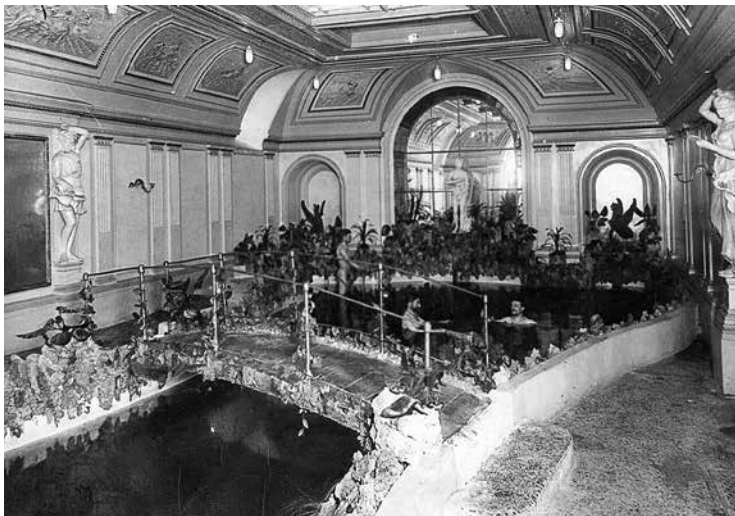
Бани активно конкурировали друг с другом, расхваливая в рекламных объявлениях свои преимущества и чистоту воды. Впрочем, почти у каждого петербуржца, была любимая баня (далеко не всегда — ближайшая к дому!) и он редко ей изменял.

Рассказывая о петербургских банях, авторы некоторых текстов ссылаются на такой пассаж из романа Александра Дюма «Учитель фехтования»: «Открыв дверь этой комнаты, я остолбенел: мне показалось, что какой-то новоявленный Мефистофель без моего ведома доставил меня на шабаш ведьм. Представьте себе человек триста мужчин, женщин и детей, совершенно голых, которые бьют друг друга вениками. Шум, гам, крики. Стыда у них ни малейшего: мужчины моют женщин, женщины — мужчин. В России на простой народ смотрят почти как на животных, и на такое совместное мытье полиция не обращает никакого внимания»¹⁸. Что, неужели правда, что в столице империи в далеко не либеральной первой трети XIX века творился такой разврат?

Нет, конечно, это художественный вымысел. О том, как городские власти блюли нравственность посетителей столичных бань, свидетельствует следующая история, которая произошла примерно в то же время, что и действие «Учителя фехтования». В 1824 году глава Министерства внутренних дел Василий Ланской увидел в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление об открытии бань Таля на набережной Мойки (современный адрес — наб. реки Мойки, 60, корп. 1): «С дозволения правительства новопостроенные бани 2-й Адмиралтейской части во 2-м квартале, между Красным и Синим мостами, в доме под № 60, ныне совершенно отделаны... Покорнейше просят почтенную публику ободрить сие заведение частыми посещениями»¹⁹. Согласно рекламе, в новых банях, помимо мужского и женского отделений, было 20 «семейных или отдельных бань».

Ланской был возмущен до крайности: совместное пребывание мужчин и женщин в общественных банях было прямо запрещено и указом Сената от 1743 года, и екатерининским Уставом благочиния (1782). Он направил запрос столичному генерал-губернатору Михаилу Милорадовичу. Мало того, возмущался он, что и владельцы «раздельных» бань порой нарушают закон («Известно, что не только под предлогом родства, болезненности и разности лет, но и, безусловно, за деньги входят лица разных полов в зрелых летах в так называемые рублевые бани»²⁰) — так теперь вздумали открыто рекламировать совместное посещение?!

Милорадович вынужден был разобраться. Таль клялся, что у него все прилично: в «семейных» банях могли находиться лишь «особы одного пола», например главы семейств с детьми. На всякий случай он дал властям расписку о соблюдении «благочиния», и его

Егоровские (Казачьи) бани, зал с бассейном, 1910 г.

бани благополучно проработали до 1917 года. Да и после национализации продолжили работу — под названием Гороховых.

В конце XIX века стали входить в моду роскошные бани-дворцы.

Их охотно посещали даже представители аристократии, которые в начале века относились к общественным баням с глубоким презрением (несложно презирать, когда у тебя в особняке есть домашняя баня и штат прислуги, который в любой момент наполнит ванну). Первым таким «дворцом» стали спроектированные Павлом Сюзором Воронинские (Фонарные) бани (современный адрес — Фонарный пер., 1). Здесь были фонтаны, три больших мраморных бассейна с проточной водой из собственного артезианского источника, гидромассажные души, обстановка «во вкусе изящных времен Людовика XVI», пальмы, бронзовые люстры и венецианские

стекла. Бани в этом здании работают и сейчас; несколько лет назад, во время реконструкции, в них восстановили исторические интерьеры.

А где стирать белье, если в квартире нет водопровода? Часто в подвалах или других помещениях больших домовладений оборудовали прачечные: в них был очаг с водогрейными котлами, большие лохани для стирки и иногда баки для полоскания. Если баков для полоскания не было, приходилось тащить белье в портомойню — деревянный плот с бассейнами для полоскания на ближайшей речке. Сушилось белье обычно на чердаке.

Впрочем, стирка в те времена была делом настолько каторжным, что даже не державшие прислуги хозяйки отдавали ее на аутсорс — в прачечные заведения или прачкам-поденщицам.

Ватерклозет

В XIX веке в большинстве квартир появляются клозеты, а ближе к концу XIX века — и ватерклозеты, то есть клозеты с водяным смывом. Правда, это опять-таки зависит от бюджета: «барские» квартиры были оборудованы ватерклозетами почти повсеместно, 3–5-комнатные — чаще всего, а вот дешевые однокомнатные квартиры — очень редко. В одном и том же доходном доме выходящий на улицу корпус мог быть оборудован ватерклозетами, а дворовые флигели — ретирадниками на улицах.

Как обходились те, у кого клозета не было? Во-первых, на черных лестницах для таких несчастных оборудовались отхожие места «пролетной» системы: как правило, они находились рядом с окном в неглубокой нише без двери. Во-вторых, ретирадники — будочки общего пользования, напоминающие

знакомые нам дачные удобства, — располагались во дворах; в среднем на каждый двор приходилось по шесть ретирадников. В конце XIX века в некоторых дворах появились общие ватерклозеты: к 1900 году такие удобства были в 22% дворов.

Плохая новость: даже с появлением водопровода и ватерклозетов в Петербурге все еще не было полноценной сливной канализационной сети. Так что вода из вашего ватерклозета будет уходить в закрытую крышкой выгребную яму, вырытую в вашем же собственном дворе, а то и прямо под домом. В лучшем случае такая яма будет бетонированной, но чаще — просто обшитой деревом. Сопутствующие запахи можете представить сами. Некоторые домовладельцы, впрочем, отводили трубы из выгребных ям в водостоки ливневой канализации (хоть это было и запрещено). Оттуда нечистоты отправлялись напрямиком в городские реки и каналы. Привет, эпидемии.

А что с туалетной бумагой? Тут, к сожалению, мне вас тоже порадовать нечем. Туалетная бумага появилась в Петербурге только в начале XX века, да и тогда оставалась экзотикой.

Отопление

Отопление у вас наверняка будет дровяным. Дрова иногда входят в стоимость аренды, иногда нет (как договоритесь с хозяином); хранятся они в дровяных сараях во дворе. За небольшую плату дворники наколют их для вас и принесут на площадку черной лестницы — там обычно размещались небольшие шкафы-дровяники. Но готовьтесь к тому, что в квартире с дровяным отоплением зимой все равно будет прохладно: бывали, конечно, исключения, но обычно печи-голландки не прогревали квартиру выше 17 градусов. А учитывая, что современных герметичных стеклопакетов тоже еще не было, — окна на зиму, скорее всего, придется заклеивать.